

РАЗВЕДИ МЕНЯ СО СМЕРТЬЮ

АНИ ЕГАНЯН

Ани Еганян

Разведи меня со Смертью

«Автор»

2026

Еганян А.

Разведи меня со Смертью / А. Еганян — «Автор», 2026

Я развожу тех, кого связала магия. Снимаю брачные проклятия, распутываю клятвы и возвращаю клиенткам право хлопнуть дверью. Но однажды ко мне приходит бессмертный полководец с просьбой развести его со Смертью. Дело дорогое. Мужчина опасный. А в договоре следующей супругой назначена я. С моей собственной подписью — поставленной за двадцать лет до указанной даты. Теперь мне предстоит выяснить, кто распорядился моей судьбой, освободить мёртвый полк и не влюбиться в клиента. С последним пунктом всё сразу пошло не по плану.

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ани Еганян

Разведи меня со Смертью

Ани Еганян
Разведи меня со Смертью
Ромэнтези

Глава 1

Муж, которого следовало отпустить

Когда муж Веры превратился в шкаф, я как раз искала под кроватью брачный договор. Поэтому увидела только ножки. Две человеческие, четыре деревянные и одну, которую очень надеялась не опознать.

— Я предупреждала: не трогать амулет, — сказала я.

Вера стояла у окна в венчальном платье, перешитом в домашнее. За три года брака платье износилось, а обещание быть счастливой — нет. Оно тянулось от её горла к медальону на груди мужа и не позволяло произнести ни одного недовольного слова.

— Он любит проверять, — ответила она с мучительной улыбкой.

Из шкафа слышалось возмущённое мычание.

Я выбралась из-под кровати. В волосах застряла пыль, рукав порвался, зато подлинник был у меня. На пергаменте имелось восемь подписей родственников и ни одной подписи Веры. Вместо неё стоял отпечаток детской ладони.

— Сколько тебе было при обручении?

— Шесть.

Шкаф замычал громче. Над дверью дрогнули охранные руны. Дом принадлежал господину Греву; вещи должны были вставать на его защиту. Но мебель, по счастью, не умела решать, следует ли защищать хозяина от самого себя.

Я извлекла из сумки маленький нож, катушку красной нити и яблоко. Яблоко было моим обедом. Положила его обратно.

— Вера, ты хочешь прекратить этот союз?

Она открыла рот. Медальон вспыхнул, вытягивая из её губ улыбку. Слёзы покатались по щекам, но уголки рта всё равно поднимались.

Я повернула договор к свету. Нить на её горле завязали сквозь клятву отца: «Дочь моя желает этого брака». Желания самой дочери никто не спросил. Я положила пальцы на печать и сказала:

— Установлено представительство без права передачи воли. Свидетельствуйте.

На подоконнике сидела кошка. Она лениво посмотрела на меня.

— Не ты, — уточнила я. — Нелла!

Моя секретарь высунула голову из коридора. Она держала тапок господина Грева и изучала подошву с живым интересом.

— У него три тайника. Два с деньгами. Третий, видимо, с совестью: пустой.

— Нам нужно свидетельство.

Нелла подошла к Вере, назвала своё полное имя и взяла её за руку. Я поддела ножом красный шов на пергаменте. Такие швы старались не замечать: они отделяли произнесённое от вписанного позднее.

Медальон потянул Веру к шкафу. Она ударилась коленом о стул. Нелла удержала её, но белая нить уже врезалась ей в ладонь.

— Скажи хоть слово, — попросила я Веру. — Не то, которое он разрешает. Любое своё.

Она смотрела на меня с ужасом. Шкаф содрогнулся, выбросил из дверцы рукав халата и начал возвращать себе человеческое устройство. Время заканчивалось.

— Ты терпеть не можешь что? — спросила Нелла.

Вера сжала пальцы.

— Кори...

Клятва дёрнула ей голову.

— Корицу! — выкрикнула она.

Я перерезала шов.

Нить лопнула. Вера упала на колени, прижав ладони ко рту. Грев окончательно стал человеком — голым, кроме одного носка и собственного возмущения.

— Вы разрушили мой брак!

Я обернулась.

— Вы сами подписали право супруги на защиту от подлога. Четвёртая страница. Между условиями о наследстве и наказанием за прелюбодеяние. Понимаю, трудно было заметить такую мелочь.

Он бросился к Вере. Нелла ударила его тапком. Я направила на него конец разрезанного шва.

— Ещё шаг — и ваша собственная клятва защищать жену будет истолкована буквально. Стулья в этом доме тяжёлые.

Он остановился.

Мы вывели Веру через кухню. Она несла маленький узел и не переставала трогать рот. На лестнице попросила подождать, вернулась и взяла кошку. Та возражала, пока не выяснилось, что её несут к улице, а не к купальне.

У ворот нас ожидал стражник. Я приготовилась объяснять, почему клиент снова временно лишился формы, однако он лишь передал конверт.

— В конторе вас ждут, госпожа Венн.

— Кто?

— Мужчина.

Нелла закатила глаза.

— Избавишься от одного — уже другой.

Вера вдруг рассмеялась. Звук вышел хриплым, непривычным. Я решила, что это лучший гонорар за день, и всё равно велела Нелле записать расходы на порванный рукав.

Глава 2

Самый дорогой развод

Мужчина сидел в моём кресле и держал на коленях шляпу. От его сапог натекла лужа. Наш конторский пёс Тмин, которого мы кормили за охрану и храп, спрятался под Неллиным столом.

Посетитель поднялся. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, подстриженными по-военному. На скуле шёл старый шрам. В нём не было красивой бесполезности придворных мужчин; он выглядел человеком, рядом с которым лучше заранее спросить, куда выходить при пожаре.

— Одри Венн?

— Если вам нужен развод — да. Если возврат денег — она уехала.

Он посмотрел на моё разорванное платье.

— Неудачный день?

— Для одного мужа. Для меня пока вполне приличный. Садитесь. В другое кресло, это моё.

Он пересел без спора. Я оценила это до того, как научилась опасаться простых вещей, которыми он мог мне понравиться.

Нелла провела Веру наверх, в комнату для клиенток. Дверь закрылась. Я села за стол и достала чистую форму.

— Имя супруга, срок союза, добровольность вступления, есть ли общие дети?

— Роан Сарен. Сто двадцать три года. Нет. Детей нет.

Перо остановилось.

Имя я знала. Его носили бастион на севере, военная награда и двенадцать мальчиков в моём квартале. На последних неудачно повлияли отцы.

— Полководец?

— Бывший.

— Памятник у арсенала?

— К сожалению.

Я вспомнила каменного всадника с поднятым мечом. Нос у каменного Роана был прямее.

— Скульптор вас недолюбливал?

— Очень любил. Слишком.

Я положила перо.

— Что значит «нет» в вопросе добровольности?

— Я дал согласие на службу после смерти. Мне представили это как способ вывести людей из окружения. О браке узнал после того, как произнёс клятву.

Служебные союзы были моей нелюбимой областью права. Они позволяли называть браком почти любое распоряжение чужой жизнью, если украсить документ достаточно торжественно.

— Жена кто?

— Смерть.

Я подождала, не засмеётся ли он.

Не засмеялся.

В соседней комнате Нелла уронила что-то металлическое. Потом стало очень тихо: очевидно, она придвинулась к двери.

— Леди Морра? — уточнила я.

— Так её называют.

— А вы?

Роан посмотрел на свои руки.

— Обычно никак. Разговариваем редко.

Я закрыла форму. Открыла снова. Разговор не стал разумнее.

— Я могу отказаться от дела. Это записано на вывеске.

— Знаю.

— Многие мужчины читают только слово «ведьма» и решают, что дальше всё бесплатно и неприлично.

У него дрогнул рот.

— Я принёс плату.

На стол легла тяжёлая монета из чёрного металла. Такие клали умершим под язык, если боялись, что покойник вернётся за долгами. У этой монеты края были тёплыми.

Я отодвинула её ножом для бумаги.

— За мою душу не рассчитаетесь даже в рассрочку.

— Это не за душу. Это право на проход к месту заключения брака. Деньги обычные тоже есть.

Он поставил рядом кошель. Я не посмотрела внутрь: слишком легко было обнаружить, что мои принципы имеют точную стоимость.

— Почему сейчас?

— Она требует собрать полк. До конца месяца. Люди, с которыми я служил, должны снова пойти туда, откуда не возвращаются. Я больше не поведу.

Пальцы на его правой руке сжались. На запястье, под манжетой, проступила тонкая тёмная полоса — брачный обруч, затянутый под кожей. Пока он говорил, полоса двигалась к локтю.

— Больно?

— Да.

Простой ответ прозвучал так неожиданно, что я на мгновение растерялась. Обычно мужчины приходили ко мне, чтобы доказать: им совсем не больно, просто весь мир ошибся.

Я попросила показать договор.

Роан достал плоский футляр. Раскрыл его и отступил от стола. На плотном белом листе было два текста: старый, выцветший, и новое приложение, пришитое серебряной нитью.

Я узнала почерк прежде, чем прочла имя.

Моё «д» с петлёй под строкой. Моя длинная черта над «т». Моя подпись у нижнего края.

В графе следующей супруги значилось: «Одри Венн».

Я взяла лист двумя пальцами.

— Что это?

Роан выглядел не торжествующим, а испуганным.

— Поэтому я и пришёл сам. Прежде чем за вами пришлют.

Глава 3

Завтрашняя подпись

Я проверила дату трижды, затем велела Нелле проверить ещё раз. Она посмотрела на цифры, на меня, на посетителя и спросила, где он был, когда бумагу подписывали.

— Не знаю, — ответил Роан.

— Удобно. У меня тоже нет алиби на двадцать лет вперёд.

На приложении стоял год, который должен был наступить, когда мне исполнится сорок девять. Подлинность почерка подтверждала моя личная печать. Я сама вырезала её в двадцать два года, после экзамена. Вензель имел крошечный скол; здесь он был на месте.

— Не прикасайтесь голыми руками, — сказала я, увидев, как Роан придерживает край.

— Уже прикасался.

— И что произошло?

Он поднял рукав. Рядом с тёмным брачным обручем появился второй, светлый.

Нелла тихо выругалась совершенно приличным словом, которое при её интонации стало неприличным. Я попросила принести зеркало, соль и мою книгу образцов.

Роан терпеливо ждал, пока я проверяла воду, бумагу и чернила. Поддельный текст обычно стремился скопировать поверхность. Этот хранил нажим: я могла бы ощутить, как моя рука когда-то выводила каждую букву.

В шкафу у стены висело зеркало свидетеля. Я повернула его к договору. На отражённой странице вместо подписи возникла тонкая красная нить. Настоящая. Знакомая до отвращения.

— Магическая копия? — спросила Нелла.

— Возможно.

— Пророчество?

— Пророчества обычно менее аккуратно подшивают.

На Роана я старалась не смотреть. Он сидел достаточно близко, чтобы протянуть руку, если бы мне стало плохо, и достаточно далеко, чтобы я не обязана была замечать эту возможность.

— Вам известно, что там написано? — спросила я.

— Что после завершения текущего союза обязательства принимаете вы.

— Какие?

— Мне не дали прочесть скрытые строки.

— И вы принесли их человеку, которого там назначили?

— Именно поэтому.

Он выдержал мой взгляд. Я не увидела ни просьбы пожалеть, ни оскорблённого достоинства. Это злило: разоблачить человека удобнее, когда он сам помогает.

Я вытащила из ящика собственную лицензию. Моя печать на ней была чуть крупнее; государственные оттиски со временем расплзались от слишком частого использования. Приложение показывало старую форму.

— Мне нужно будет задать вам вопросы отдельно, — сказала я.

Нелла поднялась.

— Я под дверью. Если он начнёт демонстрировать бессмертие, пусть сначала вынесет ковёр. Мы только вывели пятно от последнего оборотня.

Когда она ушла, я спросила, приказывала ли Морра убить меня. Роан ответил, что нет. Приказывала ли удерживать? Нет. Обещала ли заменить его мной, если он приведёт меня добровольно?

Он сжал челюсти.

— Нет. И я не соглашусь.

— Не торопитесь выглядеть хорошим. Я всё равно спрошу ещё раз, когда вы устанете.

— Хорошо.

Я сняла с себя рабочую цепочку и положила на стол. На ней висели маленькие ножницы. Они могли рассечь только добровольно раскрытую клятву; силой ими нельзя было сделать ничего полезнее стрижки.

— Роан Сарен, разрешаете ли вы мне исследовать основание вашего брака, не принимая на себя ни одного его обязательства?

— Разрешаю.

Ножницы нагрелись. Я коснулась серебряного шва. По комнате прошёл запах холодного воска. На минуту погасли все звуки, даже скрип половиц наверху.

На приложении проступила ещё одна строка: «Жена должна быть способна отпустить то, что любит».

Я убрала ножницы.

За дверью Тмин завыл. До этого он только храпел и принимал пищу.

С улицы позвонили в колокол. Один раз — слишком низко, слишком близко. Роан поднялся так резко, что кресло ударилось о стену.

— Она знает, — сказал он.

Я посмотрела на свои пальцы. На безымянном проступала серая полоска, похожая на след от кольца, которое я никогда не носила.

Глава 4

Человек, который всегда помогал

Эмрис Холт принял нас на кухне. На нём был старый коричневый халат, а на плече сидела маленькая белая птица. Я сколько его помнила, столько не могла понять, почему птицы не пачкают ему одежду. Он говорил, что дело в хороших манерах.

— Одри, ты опять не ела, — сказал он вместо приветствия.

— У меня на руках брачный договор со Смертью.

— Тем более.

Он поставил передо мной хлеб и сыр, затем посмотрел на Роана. Они не представились. Я заметила это и отложила нож.

— Знакомы?

— У господина Сарена долгая служба, — ответил Эмрис. — У меня долгая жизнь.

Роан ничего не добавил. В кресле напротив старого нотариуса он внезапно показался не полководцем, а офицером, которого вызвали за плохой рапорт.

Эмрис воспитал меня после смерти матери. Научил читать документы раньше, чем сказки, и делать чай крепче, чем следует. В пятнадцать лет я впервые сбежала из его дома, уверенная, что он намерен выдать меня замуж за ученика аптекаря. Оказалось, он всего лишь попросил того принести лекарство. Мы вспоминали это каждый раз, когда я обвиняла его в чрезмерной осторожности.

Теперь он внимательно рассматривал приложение. Очки сползли к кончику носа. Он придвинул лампу и долго проверял край шва.

— Это не обычная клятва. Так связывали должности, когда не умели отличать человека от обязанности.

— Вы умеете расторгнуть?

— Не уверен.

Я напряглась. Эмрис редко говорил, что чего-то не умеет. Обычно он говорил: «Посмотрим», и потом нужная книга находилась сама.

— А дата?

— Старые обязательства могли задавать срок принятия. Это не обязательно будущее событие. Но подпись нужно проверить.

Я рассказала о зеркале. Он поднял голову.

— Ты уже касалась линии?

— В пределах разрешения клиента.

— Одри, сначала следовало прийти ко мне.

Я удивилась резкости. Птица на его плече встрепенулась.

Эмрис выдохнул, снял очки.

— Прости. Я привык думать, что могу удержать тебя от самых неприятных ошибок.

— А я привыкла, что ошибки надо хотя бы раз сделать самой.

Он улыбнулся. Мне стало немного легче, хотя я не забывала, как побелели у него пальцы на приложении.

Роан спросил о доступе к подлиннику. Эмрис назвал место: Дом последних свадеб за городскими воротами. Там принимали тех, кто собирался связать свою жизнь с посмертной службой. Надлежало явиться вдвоём до второго удара полуночного колокола. Отказ в доступе можно было оспорить у Первого Свидетеля, но его личное имя давно считалось утраченным.

— Что нужно знать о Морре? — спросила я.

Эмрис посмотрел на огонь.

— Она слышит обещания, даже когда люди не знают, что дают их. Не говори «всегда». Не говори «что угодно». Не называй её своим судьёй.

Я записала. Потом попросила заверить моё право вести дело независимо. В моей лицензии были ограничения по союзам с правящей династией и храмовыми служителями. Не хотелось узнать о них, стоя перед богиней.

Эмрис достал печать.

— Любой брак, предмет которого затрагивает твою волю, входит в твою личную юрисдикцию, — произнёс он. — Я подтверждаю это как старший свидетель. Стороны не освобождаются от обязанности отвечать на твои вопросы о первоначальном согласии.

Он поставил оттиск. Печать на мгновение показалась мне слишком глубокой, будто он вдавил её не в бумагу, а в древесину стола.

Уходя, я задержалась у двери. Эмрис поправил мне шарф, как делал в детстве.

— Ты можешь оставить всё это, — сказал он. — Пока не поздно.

Я посмотрела на Роана, ожидавшего в коридоре, и на серый след у собственного пальца.

— Уже поздно.

Эмрис покачал головой.

— Люди всегда так говорят. А потом просят ещё немного времени.

Глава 5

Чашка с трещиной

На следующий день после визита к Эмрису у меня сломался чайник. Это не было предзнаменованием: чайник достался мне вместе с конторой, а контора прежде принадлежала человеку, который считал кипячение воды излишней роскошью.

Нелла поставила на плиту кастрюлю.

— Если командор вернётся, скажем, что это новая столичная мода.

— Если вернётся командор, скажем, что чай кончился.

Я собиралась провести утро в архиве. Вместо этого у двери обнаружилась девушка в форменном платье почтовой службы. Она держала руку у горла. На запястье болталась верёвочка от пакета, а под подбородком ходила маленькая синяя жилка.

— Я не клиентка, — прошептала она.

Я отодвинула стул.

— Именно так обычно и начинается.

Она назвалась Рут. Три дня назад принесла письмо адресату, который не желал принимать дурные известия, и поклялась, что лично добьётся ответа. Теперь любое произнесённое ею предложение заканчивалось вопросом из письма: «Когда вы вернёте деньги?»

Нелла зажала рот ладонью. Рут заплакала.

— Меня отправили в отпуск. Жених думает, я намекаю на стоимость кольца. Когда вы вернёте деньги?

Бытовая магия была устроена несправедливо. Мужчина мог двадцать лет обещать починить крыльцо без всяких последствий; почтальонке хватило одной неосторожной фразы. Я осмотрела синий след и поняла, почему: клятва была дана на пороге ростовщической конторы. Там каждая дверная скоба служила свидетелем.

— Вас заставили повторить обещание?

— Он говорил, что иначе пожалуется начальнику. Я на испытательном сроке.

Рут прикусила язык, чтобы не задать свой вечный вопрос.

Я велела ей не мучить себя и попросила показать маршрутный лист. Бумага промокла от дождя, подписи расплылись. Зато рядом с адресом стояла отметка: доставлено лично, от получения отказался.

— Ваша обязанность исполнена, — сказала я. — Ответа требовал отправитель. Почтовая служба такого поручения вам не давала.

— Но я ведь обещала.

— Вы обещали добиться ответа. Отказ тоже ответ.

Это было бы слишком просто, если бы у клятв имелось чувство здравого смысла. Я написала заявление, завернула его в маршрутный лист и отправилась вместе с Рут к ростовщику.

Дверь нам открыл мальчик лет четырнадцати. Хозяин сидел за высоким столом и чистил ногти серебряным ножом. Увидев синюю жилку на шее Рут, он улыбнулся.

— Опять вы? Неужели заёмщик уже заплатил?

Я положила заявление на край стола.

— Вы отказались от получения письма. Подтвердите.

— Не помню.

— Тогда подтвердит ваша дверь.

Я достала мел. Ростовщик сразу перестал чистить ногти.

— Не надо портить имущество.

— Достаточно трёх штрихов. Для двери это не больно.

— Для меня дорого. Там лак.

Он потянулся к бумаге. Я накрыла её ладонью.

— Сначала вслух.

Мужчина глянул на Рут. Та стояла очень прямо. Я заметила, что пальцы у неё перепачканы чернилами: она, должно быть, всю ночь переписывала объяснительную, надеясь найти безопасные слова.

— Я отказался принимать письмо, — сказал ростовщик.

Скоба за моей спиной звякнула. Синяя жилка на шее девушки дрогнула и рассыпалась светящейся пылью.

— Когда вы вернёте деньги? — сказала Рут.

Я обернулась.

Девушка покраснела.

— Это я уже сама. Вы же не хотите, чтобы я забыла письмо окончательно?

Во дворе она рассмеялась. Потом смех оборвался, и она долго молча стояла под водостокom, подставив лицо холодным каплям.

Я не мешала. Свободе иногда требовалось несколько минут, чтобы добраться до человека целиком.

Вернувшись, мы нашли на столе посылку от Эмриса. Внутри лежал новый чайник и записка: «У тебя старый давно течёт. Не спорь со старшим». Под запиской была моя любимая чашка — та самая, которую я оставила у него вечером. На ручке тянулась тонкая трещина.

— Заменить? — спросила Нелла.

Я покачала головой.

Эмрис однажды склеил эту ручку, когда мне было одиннадцать. Я тогда уронила чашку, испугалась и попыталась спрятать осколки в карман. Он вынул их по одному и сказал, что вещи ломаются даже у хороших детей.

Я помнила это лучше любого урока по обязательственному праву.

Позже я поняла, что одного доброго поступка бывает достаточно, чтобы человек годами принимал все остальные без проверки. Но тем утром я просто поставила чашку рядом с новым чайником. Нелла развернула маршрутный лист Рут, оставленный для отчёта, и спросила, почему в нашей работе даже благодарность нужно подтверждать бумагой.

— Потому что я забываю выставлять счета, — ответила я.

— Тогда благодарность сейчас очень дорога.

Она подала мне карандаш. Я записала честную стоимость трёх штрихов мелом и часа работы. Строчку за угрозу испортить лак мы вычеркнули.

Глава 6

Невеста без лица

Дом последних свадеб стоял посреди кладбища, но выглядел уютнее большинства городских контор. У входа цвела рябина. Из окон лился тёплый свет, а на ступеньках лежал коврик с надписью «Вытрите ноги». Я остановилась перед ним.

— Он что-нибудь делает?

— Собирает грязь, — ответил Роан.

— В этом месте даже хозяйственная добросовестность подозрительна.

Дверь открыла женщина в чёрном переднике. У неё было обыкновенное круглое лицо и очень красивые руки. Она попросила снять верхнюю одежду, затем посмотрела на нашу обувь.

— С господином Сареном всегда хлопоты. Следы до самого зала.

— Я извинялся.

— Извинения плохо оттираются.

Меня почему-то успокоило, что бессмертного полководца здесь отчитывают за сапоги. Мы прошли через прихожую, где висели венки и дешёвые свадебные ленты. Часть лент пожелтела от времени. На одной вышили: «Мила и Товен, до последнего дня». Дата относилась к прошлой зиме.

— Это умершие?

— Это желающие остаться, — сказал Роан.

В зале стоял длинный стол. Места хватило бы на сотню гостей, но сидела за ним одна женщина. Белое платье, белые волосы, тёмная чашка перед ней. Я не могла запомнить лицо: стоило моргнуть, и черты словно складывались немного иначе. Не становились ужасными — становились чужими.

— Госпожа Венн, — сказала Смерть.

Я поклонилась ровно настолько, насколько кланялась судье, способному выписать неприятный штраф.

— Я веду бракоразводное дело господина Сарена. До обсуждения прошу подтвердить: моё присутствие не является согласием вступить в какой-либо союз.

Женщина в переднике позади меня одобрительно хмыкнула.

Морра отставила чашку.

— Подтверждаю. Ты не первая, кто сюда приходит за этим.

— Многие расторгли?

— Многие приходили.

Роан остался у двери. Я попросила поставить ему стул рядом со мной. Служанка принесла два и демонстративно расстелила под его сапогами старое полотенце.

Я положила на стол приложение. Морра посмотрела, затем перевела взгляд на меня.

— Ты узнаёшь почерк?

— Да. Не узнаю обстоятельства.

— Так бывает с обещаниями.

— С подлогами тоже.

Роан едва заметно повернулся. Я приготовилась к удару, холоду или хотя бы неприятной головной боли. Морра рассмеялась — тихо, почти устало.

— Ты дочь Инес?

Моё раздражение исчезло.

— Вы знали мать?

— Я знаю имена умерших.

— Не все их дети становятся следующими супругами ваших мужей.

Она коснулась края листа. Серебряная нить дрогнула. Лицо на секунду прояснилось: женщина лет сорока пяти, с высоким лбом и небольшой складкой у рта. Я запомнила её, но при следующем движении свечи черты снова исчезли.

— Полный текст находится в корневой книге. Её нельзя вынести. Можно прочитать при первоначальном свидетеле.

— Назовите его.

— Он забрал имя после первой войны.

— Кто дал ему право?

Морра посмотрела на меня, словно хотела ответить иначе, чем собиралась.

— Его согласие основало порядок. Его отказ от имени стал частью платы.

Я открыла записную книжку. Бесконечная служба, утраченные имена, плата за чужую власть — всё это обычно начиналось с человека, который очень красиво произносил слово «порядок».

Морра спросила, что Роан рассказал мне о полке. Он ответил прежде меня:

— Пока недостаточно.

— Тогда начни с этого.

Её голос изменился. Зал сделался холоднее. Под столом зазвенело, будто кто-то пересыпал монеты. Роан побледнел, но остался сидеть.

Я дотронулась до его рукава.

— Если это взыскание во время консультации, я возражаю.

Морра подняла глаза.

— Ты защищаешь его прежде, чем знаешь дело.

— Я защищаю право клиента рассказать его без пытки. Разницу можно обсудить после.

Холод отступил. Мне стало страшно с опозданием, когда уже нечего было исправлять.

На выходе Морра позвала меня. Роан ушёл в прихожую, оставив дверь открытой.

— Когда он попросит тебя спасти его любой ценой, не отвечай сразу.

— Я сама устанавливаю цены.

— Пока да.

Я хотела спросить про мать, но Морра снова взяла чашку, и разговор закончился. У самой двери женщина в переднике сунула мне в ладонь кусочек хлеба.

— Она ест, когда никто не видит, — прошептала та. — Никому не рассказывайте.

Я посмотрела на хлеб. Обычный, с подгоревшей коркой. И почему-то именно эта подробность не давала мне покоя всю обратную дорогу.

Глава 7

Условия бессмертия

Роан снял комнату в трактире напротив конторы. Я узнала об этом, когда Нелла объявила, что у нас теперь есть собственный памятник с завтраком и ужином. Он приходил рано, уходил после работы, вёл себя вежливо и раздражал меня отсутствием очевидных пороков.

На третье утро я застала его у окна: он зашивал разрыв на пальто. Шил мелко и аккуратно. Я остановилась на пороге.

— У вас есть деньги на портного.

— Есть.

— Вы принципиально отнимаете у людей заработок?

— У портного не было свободного часа. А дырка у меня.

Я села напротив. Решила, что пора перестать изучать его достоинства и заняться недостатками.

— Расскажите о полке.

Он убрал иглу в деревянный футляр.

— Восемьдесят четыре человека. Мы оказались отрезаны у Серого перевала. Королевский обоз ушёл раньше, чем обещал. Я получил предложение вывести солдат через служебные ворота Морры. Взамен — командование после окончания земного срока.

— Все согласились?

— Вслух — да. Письменно — не все умели.

— Вы объяснили, что земной срок может кончиться прямо на перевале?

Роан посмотрел на зашитый рукав.

— Я тогда и сам не понял. Мы вышли в туман. Наутро я был живой. Они уже нет.

В конторе скрипнули половицы. Нелла задержалась у лестницы, затем тихо ушла наверх.

— После перехода полк охранял дороги, по которым идут умершие. Сначала я служил вместе с ними. Потом меня стали возвращать в человеческие войны. Каждый раз говорили: ещё один приказ, и обязательство кончится.

— Кто говорил?

— Представители короны. Свидетели. Иногда голос из обруча. Морра почти не общалась со мной лично.

— Вы никогда не спрашивали, почему обещание не исполняется?

Он поднял голову.

— Спрашивал. Получал новые бумаги. В них была моя подпись и подписи солдат. Я считал, что разбирающиеся в праве знают больше.

От такой фразы мне следовало бы чувствовать профессиональное превосходство. Я почувствовала злость на людей, которые умели сделать из чужого доверия длинный коридор без выходов.

Роан рассказал о своих ранах. Плоть восстанавливалась, переломы срастались за часы, но боль оставалась. При каждой смертельной ране обруч затягивал связь с полком, отнимая у мёртвых возможность закончить службу. Об этой части он узнал только недавно — от капитана, сумевшего явиться без приказа.

— Поэтому вы не позволяли мне касаться пальто? — спросила я. — Когда я вчера хотела убрать с плеча ножницы?

— Они могли вас зацепить. К моим вещам привязано достаточно неприятного.

Я сняла со стола ножницы, положила их в ящик и заставила себя не придумывать ему оправданий раньше, чем он их попросит.

— На время дела вы не выполняете распоряжения о новом наборе. Не даёте клятв. Не умираете намеренно ради удобства.

— Последнее обычно не входит в договор с адвокатом.

— С ведьмой. У нас тариф шире.

Он согласился. Я записала условия, оставив право отказаться от моих услуг без передачи обязательств. Когда Роан взял перо, пальцы на мгновение дрогнули.

— Можно не сейчас, — сказала я.

— Я хочу сначала прочесть.

Он читал долго. Спрашивал о словах, которые другие люди стеснялись уточнять. На втором листе заметил, что возмещение расходов можно истолковать слишком широко. Я вычеркнула формулировку и вписала предел суммы.

— Вас это не злит? — спросил он.

— Что клиент читает?

— Что не доверяет.

Я пододвинула чернильницу.

— Доверять легче тому, кто разрешает проверять.

Он подписал. Я поставила рядом свою подпись — новую, с прямым «д». Потом замерла. В брачном приложении буква была другой.

Я не успела достать футляр: с улицы закричали. На площади перед трактиром стоял человек в старом военном мундире. Сквозь его грудь я видела белую стену булочной.

Он поднял руку к козырьку и сказал Роану:

— Командир. Надо поговорить, пока нас снова не позвали.

Глава 8

Ночь всех вдов

Капитан Ивар отказался входить через дверь. Он утверждал, что после смерти приобрёл право хотя бы не пользоваться дверями без необходимости. Я попросила не проходить сквозь несущие стены. У нас и так была трещина у лестницы.

Он выглядел человеком лет сорока, с тяжёлой челюстью и отсутствующим левым ухом. Мундир был тщательно вычищен. На груди болтался пустой жетон.

Роан встал, но Ивар велел ему сидеть.

— Здесь не плац. И мне не надо, чтобы у вас снова заболело от чувства вины.

Я поставила третью чашку. Ивар посмотрел на неё и вежливо поблагодарил, хотя чай остался совершенно неподвижным.

Он рассказал, что мёртвым сообщили о последнем смотре. После него полк должны были перевести в бессрочный резерв, где имена теряли связь с прежней жизнью. Без имени человек становился удобнее в службе: ему больше некуда было возвращаться даже в воспоминаниях.

— Командиру говорили, что так нас освободят, — сказал Ивар. — Мне почему-то это освобождение не понравилось.

— Вы можете подтвердить условия первой клятвы?

— Не все. Память о перевале каждый год отрезают понемногу. Но есть свидетели, которые ещё живы. Вернее, не умерли окончательно. Сегодня их можно найти на Ночи вдов.

Так называли городской праздник, который я всегда обходила стороной. Вдовы приносили к старому вокзалу письма, оставшиеся после последних слов, и имели право одну ночь посидеть рядом с теми, кого потеряли. Половина жрецов называла это утешением, половина — дурным обычаем. Все брали плату за вход.

Мы пошли вечером. Нелла настояла на сопровождении и надела жёлтый шарф: «Чтобы вы хоть кого-то видели в этой вашей торжественной тоске».

Вокзал был закрыт для поездов много лет. На перроне горели маленькие лампы. Женщины сидели на скамьях, держали письма, иногда разговаривали с пустым местом. Иногда место не было пустым. Я научилась не смотреть прямо, если не хотела оказаться свидетелем чужого прощания.

У дальней колонны старуха кормила призрака с ложки. Еда проходила сквозь него в миску на коленях. Он сердился; она велела не разговаривать с полным ртом. Я отвернулась с внезапной болью в горле.

Роан заметил.

— Хотите выйти?

— Хочу найти свидетеля. Это не всегда одно и то же.

Он кивнул и не стал предлагать ещё раз.

Ивар привёл нас к женщине с прямой спиной. Она сидела без письма, сложив руки на трости. Звали её Агнес. Её муж оказался одним из солдат, подписавших соглашение у перевала. Сам муж не пришёл: после первого года посмертной службы он перестал отвечать на вызовы.

Агнес пережила больше ста лет ожидания. Вдовье поручительство, связанное со службой мужа, удерживало её тело в одном возрасте: не возвращало молодости, просто не давало постареть дальше. Такие записи нередко предлагали семьям военных как милость. Я спросила, знает ли она, что собственное ожидание можно прекратить отдельно. Агнес ответила, что знает. Хотела сперва получить известие о муже, а потом закрыть обе записи.

Агнес посмотрела на Роана.

— Наконец решили заняться людьми, которых вывели?

Он снял шляпу.

— Да.

— Поздновато.

— Да.

Мне хотелось вмешаться, сказать про ложь в договорах и неизвестные условия. Я удержалась. Агнес имела право на ответы, не подготовленные мной для его защиты.

Она передала мне сложенный лист. Муж успел написать перед переходом, что им обещали службу до окончания войны. На обороте стоял оттиск свидетеля: маленькая белая птица с расправленными крыльями.

Такие птицы сидели у Эмриса в кухне.

Я решила, что сходство случайно: знак принадлежал древней гильдии, и мой наставник носил его по праву. Тем не менее лист убрала отдельно.

Перед уходом Агнес спросила, могу ли я развести мёртвого человека с присягой.

— Если сохранилась его воля и её можно подтвердить.

— Тогда найдите моего мужа. Не возвращайте мне. Просто найдите ему выход.

Роан стоял рядом и молчал. Я впервые увидела, что молчание бывает поступком, а не способом уйти от разговора.

Глава 9

Неправильная буква

После вокзала мы вернулись в контору. Нелла ушла наверх; её ждал Хельм, стражник с рыжими бровями и талантом появляться именно тогда, когда мы не желали видеть официальных лиц. Я слышала, как она объясняет ему, что приглашение на ужин не является заявлением о намерении вступить в брак.

Роан разложил на столе карты северной границы. Я попросила убрать их. Сегодня меня интересовал единственный вид сражения, в котором я разбиралась лучше него.

Мы поставили рядом три подписи: на старой лицензии, на вчерашнем договоре услуг и на брачном приложении. Нажим совпадал. Завитки тоже. Только «д» в приложении имело старую петлю.

— Раньше я писала так, — сказала я. — Эмрис заставлял упражняться, пока не переставала мазать чернила локтем. Два месяца назад сломала палец. Петля стала неудобной, и я её убрала.

Роан наклонился. Его плечо почти коснулось моего; от пальто пахло дождём и кожей.

— Возможно, через двадцать лет вы снова будете писать по-старому.

— Возможно. Только будущее обычно не сохраняет свежий отпечаток давно сколотой печати. Здесь собрали то, что уже существовало.

Я коснулась серебряного шва ножницами. На миг между листами возникла щель. Роан придержал светильник. В глубине скрывался второй край — будто приложение сложили из сотен очень тонких полосок.

Я вытащила одну пинцетом. На ней уместились три слова: «Подтверждаю продолжение свидетельства».

Живот у меня сжался. Такие строки я подписывала в каждом завершённом деле. Эмрис говорил, что это обязательная часть гильдейской отчётности: подтверждение, что расторгнутый союз учтён, а его стороны не будут вызваны повторно.

— Сколько таких дел вы провели? — спросил Роан.

— Двести одно. Сегодня стало двести два.

Он опустил светильник.

— Тогда не режьте, пока не узнаем, связаны ли с ними люди.

Я замерла. В сумке ещё лежал договор Веры, а наверху Вера спала впервые без принудительной улыбки. Я не знала, что случится, если вынуть собственную подпись из бумаги, которая почему-то пришла из будущего.

— Хорошо, — сказала я. — Не будем.

Ненавидела это «не будем». Мне хотелось резать, жечь, ударить кого-нибудь, кто мог объяснить. Вместо этого завернула лист и закрыла в железной шкатулке.

Роан принёс воду. Я взяла стакан слишком резко и расплескала на пальцы. Он не отдернул руку, хотя мог счесть это знаком, что ко мне лучше не подходить.

— Вы можете злиться, — сказал он.

— Спасибо за разрешение. Я уже начала без вас.

Он кивнул, и я рассмеялась против воли.

Потом рассказала про лицензионные строки. Роан слушал, не предлагая немедленно арестовать Эмриса или успокоиться. За это я была ему благодарна. Я ещё не допускала, что человек, вырастивший меня, мог сделать что-нибудь опасное намеренно. Искала чужую руку, ошибку архива, вмешательство богини — всё, что оставляло моё детство нетронутым.

— Завтра спросим его, — сказала я наконец.

Роан не ответил. Я повернулась.

— Вы ему не доверяете?

— Я мало кому доверяю, когда вижу знакомую печать на собственной цепи.

Слова ударили сильнее, чем он ожидал. Я встала.

— Он спас меня после пожара.

— Знаю только с ваших слов.

— Этого недостаточно?

Роан поднялся тоже.

— Для вашей благодарности — достаточно. Для проверки бумаги — нет.

Мы долго смотрели друг на друга. Я понимала, что он прав, и именно поэтому хотела, чтобы он ушёл.

Он ушёл сам. Не хлопнул дверью. Только оставил на столе старую солдатскую записку с белой птицей. Я убрала её в шкатулку к своей подписи и впервые заперла на два оборота.

Глава 10

Письмо жене, которую не спрашивали

Вера Грев пришла под вечер с хлебом, который не удалось испечь.

В корзинке лежал плоский, чёрный по краям блин. По дому он, вероятно, уже успел распространить запах пожара. У нас запах смешался с чернилами, собачьей шерстью и кастрюлей Неллы.

— Я собиралась отблагодарить вас, — сказала Вера.

— Тогда не рассказывайте никому о моих ценах, — ответила я. — Садитесь.

Она осталась стоять. Теперь, когда принуждение к улыбке исчезло, её лицо казалось непривычно серьёзным. Вера то и дело касалась уголков губ, словно проверяла, не вернулось ли заклятие.

— Я думала, сразу станет хорошо.

Нелла без слов налила ей чаю. Вера обхватила чашку обеими руками, хотя в комнате было жарко.

Соседка позвала её пожить у себя. Муж прислал посыльного с шкатулкой украшений и запиской: «Я готов простить твоё помешательство». Родители не брали писем, потому что обряд помолвки устраивали они. Из собственного дома Вера забрала бельё, два платья и материнскую тетрадь с рецептами. В тетради каждый рецепт заканчивался словами: «Мужу нравится».

— Я ненавижу корицу, — сказала она. — А что люблю, не знаю.

Я подвинула корзинку к себе и отломил от неудачного хлеба кусочек помягче.

— Сегодня вы любите хлеб без корицы. Дальше можно не решать.

Она следила, как я жую, с таким ужасом, что пришлось проглотить быстрее.

— Вы не обязаны, — прошептала Вера.

— Поздно. Это уже произошло.

Нелла всерьёз занялась чёрной коркой, пытаясь понять, годится ли она для заточки перьев. Вера наконец села.

Мы разобрали записку мужа. В ней не было нового принуждения. Я проверила подпись, сгибы бумаги, каплю воска на углу. Всё оказалось обыкновенным, и именно это её напугало.

— Значит, если я пойду к нему, вы ничего не сможете сделать?

— Если вас удержат, сможете позвать меня. Если вы сами решите вернуться, это тоже ваше право.

— А вы будете сердиться?

Я убрала проверочное стекло.

Вопрос застал меня врасплох. Я помнила, как сама ждала одобрения Эмриса даже в тех случаях, когда давно уже могла справиться без него. Слишком легко было заменить одного распорядителя собственной жизни другим, особенно если новый распорядитель спас тебя и оказался любезнее прежнего.

— Мне будет жаль, если вам снова причинят боль, — сказала я. — Но я не выдаю клиентам разрешений жить.

Вера смотрела на меня долго. Потом достала второй конверт.

Это было письмо мужу. На трёх листах она объясняла, почему имеет право уйти: вспоминала унижения, перечисляла семейные обязанности, которые выполняла, и обещала вернуть деньги за свадебное платье. На последнем листе просила не сердиться.

— Исправите? Вы умеете писать убедительно.

Я прочла всё ещё раз.

— Для кого должно быть убедительно?

Она провела пальцем по строке о платье.

— Чтобы он разрешил.

За стеной проехала телега. Грохот колёс дал нам обоим возможность помолчать без неловкости.

— Юридически ваше заявление принято. Ему не нужно соглашаться с вашими причинами. Если хотите написать о вещах или деньгах, я помогу. А это письмо можно пока оставить у себя.

Вера сложила листы. Руки у неё уже не дрожали.

— Я хотела бы забрать швейную машинку. Её подарила тётя. Муж говорит, всё в доме его, потому что дом его.

Вот с этим работать было легче. Мы нашли в старом письме тётки упоминание подарка, составили опись и назначили встречу при независимом свидетеле. Я объяснила, что не стоит ехать одной. Нелла пообещала найти возчика, который не станет обсуждать поведение чужих жён по дороге.

Когда Вера собралась уходить, в дверь постучали.

На пороге стоял посыльный её мужа. В руке он держал меховую накидку. Увидев Веру, просиял и потянулся взять её под локоть.

Она отступила.

— Мне сказано доставить вас домой, госпожа.

— Передайте, что я получила записку.

— Но хозяин велел...

— Вы доставили его слова. Мои доставьте так же точно.

Я положила ладонь на косяк, чтобы дверь не загораживала ей выход. Вера вышла сама, не взяв накидку.

Посыльный посмотрел на меня с тоской человека, которому придётся передавать неприятные известия. Я подумала о Рут и предупредила его, чтобы ни на каком пороге он ничего не обещал.

После их ухода мы с Неллой вынесли хлеб во двор. Тмин понюхал кусок и оскорблённо отвернулся.

— Вот кто действительно умеет устанавливать границы, — сказала Нелла.

Я оставила корзинку на лавке. Утром туда сели воробьи. Им не потребовалось объяснять, почему хлеб получился таким.

Глава 11

Плата за чужую клятву

У Эмриса пахло свежими булочками. Он поставил передо мной тарелку и сразу спросил, отчего я сердита. Я ненавидела, что до сих пор не умела скрывать от него лицо.

— В приложении использованы мои гильдейские подтверждения.

Он не стал изображать непонимание. Придвинул очки, попросил образец, долго читал, затем потёр переносицу.

— Полномочие продолжения. Раньше им обеспечивали непрерывность надзора за расторжениями. Если свидетеля не станет, освобождённые стороны всё равно сохранят защиту.

— Как оно попало сюда?

— Кто-то использовал старую форму как поручительство. У тебя была широко написанная лицензия.

— Вы её составляли.

Эмрис поднял глаза. Я помню, как боялась увидеть обиду. Страшнее оказалось терпение.

— Да. И если я ошибся, буду отвечать. Но сейчас нельзя вынимать подписи по одной. Они могут удерживать решения, принятые в пользу твоих клиенток.

Он сказал именно то, чего я боялась. В комнате стало тесно. Роан стоял у окна и молчал; я почти физически чувствовала, как много ему хочется спросить.

— Кто мог воспользоваться формой? — произнёс он наконец.

— Первый Свидетель. Служба Морры. Королевская палата клятв. У всех сохранились старые права.

— У вас?

Эмрис посмотрел на него поверх очков.

— Я нотариус, господин Сарен. Если кто-то подделает монету, первым подозреваемым не обязательно становится человек, умеющий считать.

— Но последним его тоже делать не следует.

Я положила ладонь на стол, останавливая разговор. Слишком легко было превратить Роана во врага, который мешает мне верить в хорошее.

Мы попросили копии всех гильдейских подтверждений. Эмрис согласился подготовить их к вечеру. Затем показал способ временно изолировать приложение от моей лицензии: серебряная игла должна была прошить каждую самостоятельную сторону, не касаясь текста о браке. Иглы у него не было. Её хранили портнихи последних платьев, когда шили одежду для умерших.

— Значит, искать их, — сказала я.

— Сначала найдите первоначальное волеизъявление. Без него даже игла ничего не решит. Последний живой свидетель перевала — королева Изольда. Она покинула человеческий мир, но пока не прошла дальше.

Я знала это имя из школьной истории: Изольда умерла почти сто лет назад. Её портреты висели в городской палате. На всех она выглядела женщиной, которой художник мешает закончить обед.

Эмрис дал нам разрешение на вдовый поезд. Я собиралась уйти, когда он взял меня за руку.

— Ты можешь оставить мне лицензию на проверку.

Роан чуть повернулся, но не вмешался.

— Пока она понадобится мне в дороге, — ответила я.

Эмрис отпустил не сразу. Это длилось едва ли дольше вдоха, но я заметила.

На улице Роан спросил, что я решила.

— Получить копии. Проверить самостоятельно. Не принимать ни его веру, ни ваше недоверие как готовое доказательство.

Он кивнул.

— Это справедливо.

— Тогда перестаньте выглядеть так, будто я только что выдержала экзамен.

Он впервые рассмеялся громко. Проходившая мимо женщина оглянулась; я тоже едва не оглянулась на звук, словно его издал кто-то другой.

В конторе нас ждала Вера. Она уже нашла комнату у родственницы и работу в пекарне. Хотела вернуть аванс: муж заявил, что любое прекращение отчётности снова свяжет их, а значит, развод ненадёжный.

Я усадила её, раскрыла лицензию и показала, где зарегистрирована её свобода.

— Вам не нужно возвращаться.

Она слушала, поглаживая кошку, и не сразу поверила. Я повторила медленнее, без профессиональных слов.

Потом на моей печати проступила серая полоска. Я прикрыла её пальцем и продолжила объяснять.

Роан видел. После ухода Веры не стал задавать вопросов. Просто сел рядом и помог мне переписать её решение на независимом бланке, без строки о продолжении.

Глава 12

Мёртвый полк

Солдаты ждали в старом арсенале. Не потому, что любили мрачные помещения: на открытом воздухе их быстрее отзывал обруч. Каменные стены хотя бы замедляли приказ.

Я вошла и остановилась. Восемьдесят четыре человека повернулись ко мне. У каждого было лицо. Я почему-то готовилась увидеть одинаковые тени — так удобнее думать о чужой беде, пока не приходится запоминать имена.

Ивар представил нас. Роан снял шляпу. Никто не отдал ему честь.

Первый час оказался ужасным. Солдаты говорили одновременно. Требовали объяснений, возмущались, спрашивали, почему всё это время он уходил наверх, в человеческий мир, а они оставались. Роан стоял и отвечал. Иногда не мог ответить, и тогда так и говорил.

Я пыталась записывать, но бросила. Отдельные слова не передавали того, что происходило.

У окна сидел молодой парень с перевязанной шеей. Погиб в девятнадцать, прослужил после смерти больше ста лет. Он спросил Роана, помнит ли тот, как обещал вернуться за каждым.

— Помню.

— А вернулись за ведьмой.

У меня загорелись уши.

Роан посмотрел на него.

— Я пришёл за помощью. Один не умею.

Парень отвернулся, но перестал спорить.

Позднее мы разбирали их жетоны. Каждый был носителем отдельной клятвы. На части сохранились слова о войне, на других стояло только согласие исполнять приказы. Я попросила позволения прочитать вслух то, что они действительно подписали.

Один за другим люди вспоминали перевал. Кто-то помнил снег, кто-то мокрую бумагу. Оказалось, им читали разные тексты. Роан услышал предложение сохранить отряд, Ивар — службу до окончания войны, младшие — приказ следовать за командиром. Подписи свели на одном листе уже после.

Я ощутила знакомое профессиональное бешенство. В нём было даже некоторое облегчение: вот механизм, который можно показать, а не просто назвать несправедливостью.

— Если согласие различалось, — сказала я, — нельзя считать вашу общую службу единым добровольным союзом. Но каждый должен заявить об этом сам. Командир не может отказаться за вас.

Некоторые хотели остаться. Двое не знали, что делать после окончания службы. Один боялся увидеть семью, от которой когда-то сбежал. Я записала всё. Свобода не становилась настоящей от того, что кому-то было страшно ею пользоваться.

К концу встречи Роан выглядел так, словно раны открылись разом. Когда мы вышли, сел на ступеньку и попросил подождать.

Я села рядом.

— Не собираетесь сказать, что они всё равно понимают? — спросил он.

— Нет.

Он наклонил голову.

— Хорошо.

Внизу мальчишки катали бочку. Один изображал знаменитого полководца: махал палкой и требовал не сдавать крепость. Увидев нас, замолчал. Настоящий Роан выглядел слишком усталым для его игры.

— Ваш портрет мешает людям, — сказала я.

— Мне тоже.

Мы посидели ещё немного. Я достала яблоко, разрежала ножом для печатей и протянула половину. Роан взял, хотя вряд ли был голоден. Мне нравилось, что он принимал малую помощь, не требуя за неё простить большую вину.

Поздно вечером Ивар принёс список самостоятельных решений. Семьдесят девять человек хотели окончить службу. Трое просили время подумать. Двое желали остаться хранителями дороги на новых условиях.

Я расписалась только в получении списка. Без обещания продолжения. Серая полоска на печати не расширилась.

Это было мало. В тот вечер мало оказалось достаточно, чтобы снова взяться за работу.

Глава 13

Выходное пособие

Когда остальные солдаты разошлись, возле двери остался один. Он был ниже меня, с узкими плечами и такой аккуратной складкой на брюках, словно собирался явиться не к ведьме, а на смотр.

Ивар подождал его снаружи. Я закрыла журнал.

— Что вы хотели спросить?

— У живых, когда увольняют, выдают деньги.

— Иногда.

— У нас не выдадут?

Я пригласила его сесть. Он представился Келем, полковым сапожником. На войну его забрали через два месяца после свадьбы. Служба за чертой смерти продолжалась так долго, что ни жена, ни её дети от второго брака уже не были живы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.